

Под отходы и руду

Слава богу, Астафьев этого не видит. Его уже не было в живых, когда судьба заповедника «Столбы» — отдушины красноярцев, которым в безветренную погоду и так нечем дышать, кроме солей алюминия, — вообще оказалась под вопросом. С год назад Александр Румянцев, в то время глава Минатома, сообщил, что нет лучше места для международного хранилища отработанного ядерного топлива, чем под боком у миллионного Красноярска. Так же, изда-лека и как бы между прочим, красноярцев оповестили и о планах воскресить проект Туруханской ГЭС (которая, очевидно, окончательно погубит природу енисейского Севера), и о возобновлении строительства на Ангаре Богучанской ГЭС.

Находясь в стенах Сибирского технологического университета, президент был на диво раскован. А студенты — на удивление серьезные. Они спрашивали о судьбе Сибири. А Путин обращал их вопросы в шутку. Студент: «Насколько обоснован ввоз в Россию отработанного ядерного топлива?» Президент: «Вас сюда Явлинский подослал?» Студентка: «В нашем государстве не стоит отдавать лес в частную собственность. У нас не так много умных людей». Президент: «Надеюсь, меня вы идиотом не считаете?» Еще Путин высказался за завершение строительства Богучанской ГЭС и за развитие лесоперерабатывающего комплекса в Приангарье: «Вы знаете, как пахнет на ЦБК? Отвратительно. Но — так пахнут деньги. Так мне там сказали».

Любимый астафьевский край отдан ныне под ядерную свалку, рудную базу, под размещение наиболее

«Они меня ненавидят»

Говорят, дом бабушки Виктора Астафьева Катерины Петровны невозможно было отремонтировать. Он на самом деле покосился, почти стнил. Его снесли, построили новый. Вещи в доме восстанавливают по описаниям в «Последнем поклоне». Что-то из них отреставрировали, какую-то утварь, подходящую по возрасту и виду, в дом привезли, остальное — новодел.

Слава Богу, от переделки уберется домик, где жил последние два десятилетия Астафьев, — его летний «дом творчества». Там всего-то горница, кабинетик и кухня. Как-то, говоря о новых соседях-богачах, застраивающих Овсянку краснокирпичными замками, Астафьев сказал: «Они меня ненавидят за то, что я живу не так, как они. А я не хочу так жить».

Сейчас те, кто живет иначе, жертвуют миллионы на «увековечивание» памяти писателя и поражаются перед телекамерами, как он скромно жил. При том, что в последние месяцы жизни Виктора Петровича деньгами на лекарства помог лишь один средней руки бизнесмен, красноярец.

Война миров

Эти люди, очевидно, с разных планет. Для Астафьева Слизневский утес был его кровью, для Хлопонина — средство для привлечения туристов, не более того. Представители финпромо-групп, пришедшие владеть сибирскими краями, искренне не понимают, почему их желание «облагородить» эти земли до уровня Давоса или Лас-Вегаса, закатав все в бетон, вызывает столько эмоций у краснояр-

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

«НЕ ТОПЧИТЕСЬ НА НАШИХ МОГИЛАХ»

Вдова Виктора Астафьева впервые решила сказать все, что она думает о предстоящем юбилее и его устроителях

«Президента ни о чем не просила»: Мария Астафьева принимает Владимира Путина

Алексей ТАРАСОВ

Мария Семеновна Корякина-Астафьева живет в Красноярске, в Академгородке. Овсянка близкой ей так и не стала. Кажется, до сих пор не простила тамошних родственников Виктора Петровича: «Я же на него голос никогда не повышала, помнила, что он сиротой рос, детдомовский... Как же они смогли отдать его в детдом?»

При жизни Виктора Петровича она в гости к его родне тоже не ездила. Так что про заново отстроенную бабушкину избу в Овсянке Мария Семеновна ничего не говорит. И сейчас заглядывает в деревню только по пути на кладбище, на Слизневский же утес и не поднималась никогда, мимо проезжает.

— А в домике Виктора Петровича и во флигеле все

хорошо. Внучка ремонт сделала, сейчас она ребенка родила, так там две двоюродные сестры за всем следят. Все сохранено, как при Викторе Петровиче, разве что такого порядка там никогда не было — у него газеты, книги были разбросаны. Я все туда никак чаю не куплю: кажется, что Виктор вот-вот зайдет...

О предъюбилейной активности чиновников Мария Семеновна говорить поначалу не хотела:

— Мне здесь, с ними, жить. Да я об этом и не думаю, у меня свои заботы. Да и не в моей власти повлиять на это.

О странном списке гостей, приглашенных губернатором Александром Хлопонным на астафьевский юбилей, она тоже хотела умолчать (С загодя подготовленными приглашениями вышел казус: правительство поменялось. Бывшего министра культуры Швыдкого из списка 82-х VIP-гостей — из правительства, Думы,

Администрации президента — поначалу вычеркнули; потом все же решили пригласить). Но затем сама заводит об этом разговор:

— Приглашения на юбилей могли бы согласовать со мной. Мне все-таки кажется, звать надо бы не чиновников со всей страны, а тех, кто нас любил и кого любил Виктор Петрович. Ведь это будет день воистину последнего поклона — потом, думаю, с удовольствием отмахнутся, и больше уж никаких мероприятий не будет. А список приглашенных я тут совершенно случайно обнаружила. Принесли очередную платежку за пользование абонентским ящиком, а сосед этажом ниже, мастеровой мужик, меня пожалел — знает, что пенсия у меня 3 тысячи. Говорит: «Не платите, я в подъезде в почтовый ящик вам замок врежу». Пошла ящик подготовить, а там среди макулатуры — шесть желтых листочков, списки приглашенных на юбилей.

Кого только нет! Я всех по-вычеркивала, оставила только семерых. Написала свой список. Но никто не позвонил, не приехал. Говорят только: не беспокойтесь, сына вашего пригласили. Спасибо...

Они считают, что я уже никуда из дома не выхожу. А я же на кладбище езжу, в больницу. На торжества свои они вправе, конечно, хоть кого приглашать... Но я ведь пока жива. А прилетят президенты, министры — и перекроют, значит, всю дорогу от Красноярска до Дивногорска (на этой трассе находится Овсянка. — А.Т.), потом и в городе движение блокируют. С гостями, выходит, не пообщаться...

С Хлопонным о чем говорить — он с творчеством Астафьева не знаком. Сам в этом признался, когда приезжал вместе с полпредом президента в Сибири Драчевским. Но этого губернатора выбрали красноярцы. Президента, когда он приезжал зимой, я ни о чем не просила: мои беды ничтожны по сравнению с его проблемами. Очень надеюсь на мэра Красноярска Петра Пимашкова, что он поможет сохранить как музей городскую квартиру. Да и Путин сказал, что решит проблему на федеральном уровне. Отсюда никто не возьмет ни иголки. Все сохранится — его любимые пластинки, кассеты.

...Недавно плохо стало, как увидела, что оградка на могиле сломана. Вот, думаю, снова. (В конце 90-х сборщики металлолома — бывший зэк в компании с бывшим милиционером — спилили часть дюралевой ограды на могиле дочери Виктора Петровича и Марии Семеновны Ирины. — А.Т.). Но нет: там, оказалось, у самого подножия могилы кого-то еще захоронили. Землю подняли, вот ограда и распалась. Калитку починили, привесили снова, но полянки уж той перед могилами нет. Виктор Петрович просил в завещании: «Пожалуйста, не топчитесь на наших могилах и как можно реже беспокойте нас. Если читателям и почтателям захочется устраивать поминки, не пейте много вина и не говорите громких речей, а лучше молитесь». Не топтаться сейчас не получится. Но — земляков не выбирают. А я все им надоедаю...

МН

Над утесом с рукотворным балконом будет установлена пятиметровая скульптура Царь-рыбы

экологически грязных производств. И одни чиновники (красноярские), прилагающие усилия к утверждению края в статусе сырьевой колонии, сегодня выписывают другим чиновникам (московским) приглашения на празднование юбилея Астафьева. Писателя, который, пока был в силах, бился с такими покорителями и «осваивателями» природы, не жалея ни времени, ни души.

Незадолго до смерти Виктор Петрович сказал, что главная его работа была — помогать Сибири. «И, кажется, делал я эту работу совершенно бесполезно».

цев. Украшать ли енисейский утес мраморными лестницами и пятиметровой вышиной — это не эстетические разногласия. И это не вопрос денег — вырубать ли заповедные леса под еще одну горнолыжную трассу и завозить ли ядерные отходы на берег великой реки.

Люди, говорящие по-русски, разошлись по разным стандартам и стилям жизни, разлетелись по разным мирам. И Слизневский утес, и Овсянка — те частности из последних, что еще могли бы сроднить их, как и книги Астафьева. Но контакта не получается: одна цивилизация уничтожает другую.

МН